

«МОСКОВСКАЯ ПРАВДА» 18 октября 1994 года, 8-я стр.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Неизвестный Кондратьев

Год назад оборвалась жизнь Вячеслава Кондратьева - писателя, пришедшего в литературу позже других своих «однополчан» - Адамовича, Астафьева, Бакланова, Быкова, Гранина, - но быстро их «нагнавшего», ставшего голосом фронтового поколения, глашатая и защитником его интересов, выразителем его чувств и мыслей. Он скончался 23 сентября прошлого года; об обстоятельствах его трагической гибели говорилось в моей статье «Нельзя ли без сенсаций?» («МП», 4 января 1994), предупреждавшей против попыток истолковать его трагический и в то же время загадочный уход однозначно, истолковать его в своих - безразлично чьих - узкополитических интересах.

Предупреждение не помогло. К годовщине кончины писателя в двух номерах «Правды» (20 и 21 сентября) появилась большая статья В. Кожемяко «Последний выстрел сержанта Кондратьева». Статья, написанная пером равнодушным, проникнутая любовью к писателю, болью за его судьбу, но - вот беда! - при всем внешнем стремлении к объективности все же явно необъективна, однобока: выстраивая в один, на первый взгляд, довольно стройный, ряд все критические высказывания писателя о современной действительности, автор как бы случайно оставляет «за кадром» столь же резкие его высказывания о нашем недавнем прошлом. В результате столь одностороннего подхода Кондратьев - вольно или невольно, для автора статьи - превращается чуть ли не в единомышленника и союзника тех, с кем он ожесточенно спорил до конца жизни, предстает перед читателями едва ли не сторонником «говорухинско-прохановско-лимоновского» варианта спасения России. Иначе говоря, с мертвым Кондратьевым пытаются сделать то, что не удалось с живым: прикрыть - если не его телом, то его именем, его моральным авторитетом - свои хорошо извест-

ные политические цели. В этом смысле статья Кожемяко - при всей, повторяю, несомненной для меня любви автора к Кондратьеву и его творчеству - этически бестактна; если быть точным, ее следовало бы назвать не «Последний выстрел сержанта Кондратьева», а «Последний выстрел В сержанта Кондратьева»...

Не говорю уже о том, что, выхватив из конгломерата возможных причин самоубийства лишь одну, лишь ее проследив подробно, Кожемяко тем самым вселяет в читателя убеждение, что эта причина была единственной. Не утверждает прямо, но фактически - подводит к этому, убеждает в этом. А для этого практически полностью обходит молчанием другие, личные обстоятельства, в частности - резкое обострение давней болезни, грозившее полной неподвижностью, бесполезно-тягостным для себя и других существованием. Не утверждаю, что эта причина оказалась единственной; но роль последней капли, «спускового крючка», могла сыграть, бесспорно.

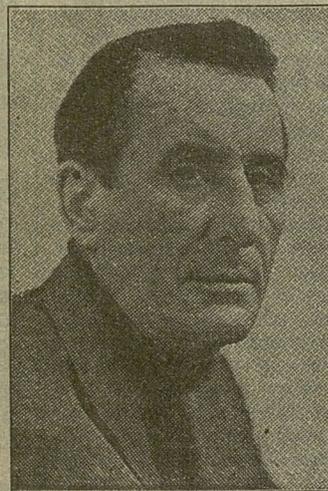
И еще одно: при сознательном самоубийстве оставляют записку. Кондратьев записки не оставил. И уж во всяком случае - стреляют не в живот...

Кожемяко не то чтобы вовсе не упоминает этих обстоятельств, но - не останавливается на них: они ему не нужны, ибо не укладываются в выстроенную им схему случившегося. Вот почему готов повторить: любовь журналиста к своему герою могла быть и искренней; но, увы, политика и на этот раз оказалась сильнее любви.

Как бы там ни было, сам факт этой, неожиданно вспыхнувшей полемики свидетельствует: Вячеслав Кондратьев и после своей кончины остается не фигурой для хрестоматийного изучения и почитания, - его наследие продолжает участвовать в сегодняшних литературных (да и не только литературных, может быть,

даже прежде всего не литературных!) спорах.

Вот почему важно сегодня обратиться к тем страницам этого наследия, которые до сих пор были неизвестны читателю и лишь теперь приходят к нему со страниц нашей периодики. Появились «Последнее

интервью» с ним («Очарованный странник», Ярославль, 1993; в альманахе «Дядя Ваня» (1994, № 2) - повесть «Покушение» (о несостоявшейся попытке устранения Берию); в альманахе «Кольцо «А» («Московский рабочий», 1994, вып. 1) - статья «Помните о смерти, думать о жизни»...

В первом выпуске «Вопросов литературы» за 1995 год намечено опубликовать его переписку с писателями - А. Адамовичем, В. Астафьевым, Г. Баклановым, В. Быковым, Д. Граниным, В. Некрасовым, Е. Ржевской, в «Литературном обозрении» - переписку с читателями... Нельзя сказать, что в этой переписке перед нами какой-то «другой» Кондратьев, совсем уж непохожий на тот образ, который сложился при чтении его произведений. Нет, Кондратьев и в письмах остается самим собой - искренним, правдивым, болеющим всеми болями своего народа. Но многого, как видно из переписки, мы не знали, многое невысказанное жило в его

душе, распирая, а то и распиная ее, проверяя на прочность, на разрыв. И однажды - разорвало...

Переписка - не единственная грань его творческой жизни, неизвестная читателям. Другая подобная грань - его устные выступления на встречах с публикой, на читательских конференциях по его произведениям, на писательских «форумах». Выступления эти, как правило, не записывались на пленку, не стенографировались; единственный до сих пор, сколько мне известно, печатный материал, обобщивший опыт многих читательских конференций, которые нам довелось проводить совместно, наш с ним диалог «Разговор с читателями книги «Сашка» (в сборнике «Слова, пришедшие из боя», вып. 2, М., «Книга», 1985). Но сборник этот давно стал библиографической редкостью...

И вот - материал поистине уникальный: выступление (вступительное слово) Кондратьева на Всесоюзных писательских «Чтениях», посвященных Солженицыну. Когда Кондратьев произносил свое вступительное слово, о возвращении Солженицына не шло еще речи. Грустная ирония судьбы: сегодня Солженицын - здесь с нами, а Кондратьев - уже нет...

Материал требует пояснений. Это не просто очередное «выступление на тему» - Солженицын значил для Кондратьева многое, на протяжении ряда лет был для него ориентиром не только в смысле писательского мастерства (влияние «Одного дня Ивана Денисовича» на «Сашку» несомненно), но прежде всего - ориентиром нравственной стойкости, мужества, несгибаемости в борьбе человека - с Системой, личности - с Государством, умения «жить не по лжи», действительно (не по «нино-андреевски!») не поступающая принципами... В конце 60-х Кондратьев едет к Солженицыну под Рязань - показать ему свои тогда всего лишь наброски. К написанному

Кондратьевым Солженицын отнесся довольно критически; а вот устными рассказами его о пережитом на фронте заинтересовался и благословил его написать именно об этом, и именно так, как рассказывал...

Встреча эта (оказавшая на Кондратьева сильное влияние, сыгравшая большую роль в его судьбе) была единственной, зато переписка - не частая, но регулярная - длилась до конца жизни...

Естественно, Кондратьев стал одним из тех, первоначально - немногих, кто начал активно бороться за восстановление Солженицына в правах у себя на родине, возвращение ему гражданства, публикацию его произведений, участвовал в вечерах, посвященных ему...

«Чтения», о которых пойдет дальше речь (они проходили под названием «Солженицын и мы»), состоялись весной 1990 г. в Центральном Доме литераторов. Они проходили под эгидой только что тогда сформировавшейся писательской ассоциации «Апрель», фактическими же ее инициаторами и организаторами были три писателя: прозаик Вячеслав Кондратьев, критик Марлен Кораллов и автор этих строк. Кондратьев открывал «Чтения» вступительным словом, которое - по уцелевшей стенограмме - и публикуется здесь впервые. Стенограмма сохраняет все особенности живой, неприглаженной речи, исправлены лишь явные ошибки стенографистки.

Думаю, читателям будет сегодня, после возвращения Солженицына на родину, особенно интересно познакомиться с этим, теперь уже давним, выступлением, проверить его оценки нашими, сегодняшними. И еще раз воздать должное памяти его автора, честного и смелого русского писателя Вячеслава Кондратьева.

Александр КОГАН.